

ВАЦЛАВ КЛАУС,
ПРЕЗИДЕНТ ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Почему я не «европеист»

Давайте заранее условимся: не будем говорить о людях *совершенно незаинтересованных* (здесь и далее курсив автора — *Прим. перев.*), которым общественные проблемы безразличны, а Прага от них так же далека, как и Брюссель. Оставим в стороне и *наивных*, готовых верить в любую утопию, рождающую надежды — будь это (в прошлом) социализм и коммунизм или (сейчас) «европеизм», который для некоторых людей стал новой альтернативой, современной либеральной или постлиберальной идеологией. Речь не пойдет также и о *политиках, страдающих фрустрацией*, о тех, кто разуверился в возможности одержать в обозримом будущем политическую победу в своей собственной стране, и при этом преисполнен такой неприязни к тем, кому проигрывает, что ему уже все равно, кто, собственно, будет решать судьбу этой страны — коль скоро это не будет он сам.

Если вынести за скобки всех перечисленных, то можно прийти к выводу: *должен существовать некий сильный аргумент, который заставляет значительное число наших сограждан, не относящихся ни к одной из перечисленных групп, без колебания соглашаться с утратой государственного суверенитета и добровольной передачей значительной части полномочий национального государства отдаленному наднациональному центру, возможности контроля за действиями которого с их стороны ограничены.* К такому решению их должна подталкивать некая позитивная идея. Попробуем ее найти и проверить, действительно ли она является позитивной — в смысле полезной.

Достаточно экономической аргументации?

Одним из возможных подходов в этом поиске представляется *подход экономический*, однако вынужден сразу заметить, что экономическая аргументация в данном случае часто интерпретируется ненадлежащим образом. Экономическая теория, например, говорит о зависимости прибыли от масштаба хозяйственной активности (так называемые *returns to scale*), но некоторые делают из этого вывод, что ведение хозяйства в масштабе континента автоматически выгоднее, чем в масштабе государства. Другие ошибочно связывают выгоды, приносимые единым экономическим пространством, с политической централизацией континента. Третьи считают, что на рынке между собой конкурируют регионы и межнациональные объединения, а не отдельные компании. Такую аргументацию легко опровергнуть.

Серьезнее выглядят заявления отдельных политиков, указывающих на то, что существуют некие значительные public goods на европейском уровне, предполагающие необходимость управления деятельностью общества именно на этом, наднациональном уровне. Отсюда делается вывод о неизбежности политической централизации европейского континента, утверждается, что для отношений между составляющими его странами договорная основа недостаточна.

Все эти (и другие подобные) аргументы экономического характера могут быть в лучшем случае оправданием *экономической же интеграции*, основанной на открытости рынков, либерализации, устранении барьеров на пути перемещения людей, товаров и денежных средств – при установлении минимальных необходимых «правил игры». Но эти аргументы не могут служить основанием для широкомасштабной *политической, социальной и законодательной унификации* Европы. В конце концов, изначальная концепция Европейского союза (тогда еще – Европейского сообщества) была основана именно на идее общего рынка и руководствовалась исключительно экономическими доводами. Несмотря на значительную роль таких доводов в мышлении сегодняшних европейцев, не думаю, что именно они дали решающий импульс переходу от европейской интеграции к унификации. Не стоит забывать о том, что крах коммунизма убедил в свое время многих мечтателей, любивших проповедовать выгоды экономического централизма и дирижизма, в том, что этот путь – тупиковый.

Тем не менее крушение коммунистической системы отрезвило далеко не всех. *Коллапс коммунистических экономик отнюдь не означал поражения демократического социализма (или, точнее, модели социальной рыночной экономики), приверженцы которого тоже не испытывают большой любви к свободному рынку.* Разница состоит лишь в том, что антирыночные позиции сегодня не обосновываются с помощью лозунгов о государственной собственности и централизованном планировании, как это было раньше, а аргументируются тезисами об усилении регулирования, о ликвидации «несправедливых привилегий», об объединении экономических стандартов (т.е. условий хозяйствования в разных странах), о «коррекции» конкурентной среды путем вмешательства чиновников из разного рода антимонопольных структур и т.д. Эти тезисы являются составной частью сегодняшнего «европеизма».

Более чем полвека назад Роналд Коуз задался вопросом (и за ответ на него получил в начале 90-х годов Нобелевскую премию по экономике): *почему возникает фирма и почему она достигает того или иного размера?* Ответ Коуз нашел в так называемых «транзакционных издержках» и пришел к выводу, что в определенных ситуациях выгоднее непосредственно использовать систему цен и механизмы рыночного обмена между отдельными индивидами, в то время как в иных условиях целесообразнее объединить усилия этих индивидов в рамках единой фирмы, внутри которой рыночные механизмы не действуют. В коллективном труде «Экономические теории и интеграция наций»¹ его авторы вспоминают вопрос, заданный Коузом, и формулируют

¹ P Bolton, G. Ronald, E. Spolaore. Economic Theories and Integration of Nations // ECARE, Brussels, September 1995.

его иначе: *почему возникают государства? Почему весь мир не объединен в рамках одного государства?* Отвечая на него, они рассматривают проблемы эффективности функционирования государств и наднациональных систем, находящихся на разных стадиях интеграции, и приходят к выводу, кающемуся мне само собой разумеющимся, — о том, что «обратной стороной расширения масштабов политической интеграции является усиливающаяся неэффективность управления».

Аргументация правового характера

Ключевой фактор перехода Европы от экономической интеграции к политической унификации я вижу в области права. Хотя бы потому, что современные политики в большей степени подвержены влиянию юристов-прагматиков, нежели экономистов-теоретиков. Основой процесса, о котором идет речь, послужило радикальное изменение образа политического мышления, которое привело в последние десятилетия к возникновению *нового международного правового порядка* (кстати, никакого нового международного экономического порядка — если не считать стихийных и реально ничем не ограниченных процессов глобализации — при этом не возникло). Этот порядок основан на отрицании так называемой вестфальской правовой системы, предусматривающей суверенитет национальных государств². Иными словами, можно сказать, что в мире, и прежде всего в Европе, после Второй мировой войны произошло заметное смещение политического сознания в сторону интернационализма и универсализма.

Фундаментом этого универсализма стала идея *основополагающих прав человека*. (Еще раз подчеркну: прав человека, а не *гражданских прав*, идея которых лежала в основе предшествующего правового порядка). Само по себе выражение «права человека» указывает на всеобщий, универсальный характер данного понятия, в то время как гражданские права есть права, связанные с гражданством, то есть действующие в рамках данного государства. Как верно указывает американский правовед, йельский профессор Джеб Рубенфельд, права человека в современном мире нередко находятся «вне зоны досягаемости нормальных политических процессов»³. Это нечто, возникающее вне политического пространства национального государства, нечто, приходящее извне. Если же это «нечто» не является продуктом демократической плюралистической политики, следовательно, оно — продукт «чистого разума», а точнее — некоей правды, хранителем которой являются немногие избранные (но не избираемые). Значит, это «нечто» является, по сути дела, угрозой демократии. Может быть, кому-то такое утверждение покажется преувеличением. Но многие, и я в том числе, видят ситуацию именно так.

Не секрет, что отправной точкой на пути к универсалистскому мышлению послужила *специфическая интерпретация Второй мировой войны*, которая лежит в основе не только универсализма, но и современного «европеизма».

² Я использую термин «национальное государство» для краткости; более точным был бы термин «государство, созданное на базе определенной нации». — *Прим. авт.*

³ J. Rubenfeld. Two World Orders // The Wilson Quarterly. Autumn 2003.

Эта интерпретация основана на утверждении, что трагедия той войны с ее десятками миллионов погибших была вызвана национализмом, связанным с национальным суверенитетом, вытекающим из вестфальского правового порядка. По мнению универсалистов, этот порядок сделал возможным развитие патологических социальных процессов в ряде стран, результатом чего и стала война. (Полвека спустя подобным образом трактовалась война в бывшей Югославии). Исходя из этой концепции, универсалисты строят свой порядок, цель которого — предотвратить войны, поставив международное право над правом национальных государств.

Должен в определенной степени согласиться с утверждением В. Белоградского⁴, который считает, что «европейские тоталитарные режимы были продуктом не ослепленных ненавистью националистов, как лгут нам идеологи европейского федеративного супергосударства, а надменности и экспансионизма крупных европейских наций». Впрочем, можно назвать и другие причины войн и тоталитаризма, но не об этом сейчас речь. Интерпретация Второй мировой исключительно как следствия национализма не только неточна, но и не может использоваться в качестве основания для строительства будущего европейского порядка. *Победа демократии и антивоенных убеждений в абсолютном большинстве европейских стран — результат не «европеизма», а естественного внутреннего развития самих этих стран. Это — итог демократических процессов. В Европе победила демократия, потому что ее страны сами выбрали для себя эту политическую систему. Она не была занесена к ним извне. (Более того, нынешние события в Ираке и Афганистане показывают, что законы и демократию нельзя «импортировать»).*

Вопреки этому сегодняшний Европейский союз (особенно в том случае, если будет одобрена его Конституция, подготовленная Европейским конвентом) стремится подчинить правовые системы отдельных государств своим собственным законам, что является отражением идеологии интернационализма и универсализма. Другой стороной той же медали является априорное недоверие «европеистов» к политическим процессам внутри демократических национальных государств, поскольку логика демократии такова, что предвидеть и контролировать ее развитие крайне проблематично. Отсюда — лишь один шаг до легитимизации рационалистической, бюрократически нейтральной, «экспертной» позиции никем не избранных универсалистов, до признания ее всеобщего характера и обязательности. Уже цитировавшийся мною Джеб Рубенфельд называет это «интернациональным конституционализмом», основанным на «всеобщих принципах, источники которых находятся за рамками стандартного политического процесса и таким образом ограничивают государство». Он полагает, что в Европе такой подход уже победил, в то время как в США пока еще «вес конституционных прав определяется не некими универсальными идеями, а демократическим строем».

⁴ Вацлав Белоградский — современный чешский философ, живет в Италии. В начале 90-х гг., на некоторое время вернувшись из эмиграции, вместе с В.Клаусом стоял у истоков праволиберальной Гражданской демократической партии. Позднее вступил с Клаусом в полемику по ряду социально-политических проблем и в середине 90-х отошел от политической деятельности.

Следствием этого является конфликт между демократией и международным правом, возникающим неполитическим путем. Особенно остро он протекает у нас в Европе, где одни стремятся к Европе демократий, в то время как другие уповают на европейскую демократию. Одни опасаются элитарности и неподконтрольности европейских законодателей и политиков, другие, наоборот, радуются приходу Европы как «демократического супергосударства». Одни хотят и далее жить в Европе, где преобладает сотрудничество между государствами, другие отдают предпочтение современному универсалистскому международному праву, подавляющему права государств. Одним из нас было бы достаточно добрососедских отношений, другие хотели бы отменить само понятие «соседство» и жить вместе, одним домом.

«Европеизм» как эрзац-идеология

В последние десятилетия, после дискредитации традиционных коллективистских идеологий, в первую очередь коммунизма, «европеизм» фактически стал заменой всеобщей идеологической конструкции левой направленности — несмотря на то, что его приверженцы часто играют в аполитичность и стилизуют свои взгляды под «просто» политкорректные суждения. В этом смысле «европеизм» можно считать частью того феномена, который Фрэнсис Фукуяма назвал «концом истории». Собственно, он сам об этом пишет: «...Отказ европейцев от национального суверенитета в пользу наднациональной организации есть выражение их веры в конец истории»⁵. Некоторые авторы идут еще дальше. Например, англичанин А. Рэнкин в своем исследовании «Что не так с европейским идеалом?» отмечает, что «европеизм» сегодня «приобретает квазирелигиозный характер, подменяя собой размышления о решении конкретных проблем». По мнению этого исследователя, у «европеизма» есть свои идеологические особенности, проявляющиеся в «отходе от индивидуализма и разнообразия и склонности к социальной инженерии»⁶.

Итак, речь идет о новой идеологии. Внешне привлекательной, поскольку она обещает приход «светлого завтра», вдобавок безболезненно, без особых трудностей. На первый взгляд, при реализации этого проекта все приобретают, никто ничего не теряет и каждый может поучаствовать. Эта коллективистская по сути идеология обращается к по-разному структурированным группам людей, не делая при этом упора на личность, отказываясь от индивидуального подхода. Она опирается на новые общественные движения — такие, как феминизм, пацифизм, экологические и правозащитные организации. Она является продуктом интеллектуальной деятельности весьма влиятельной сегодня группы, которая открыла для себя новые возможности самореализации в наднациональном пространстве. Это новая версия элитарного активизма, который в последние десятилетия переместился из отдельных государств на международную арену и потому еще более отдалился от аутентичных механизмов демократического контроля.

⁵ F. Fukuyama. Has History Restarted Since September 11? CIS, Sydney, 2002.

⁶ A. Rankin. What's Wrong with the European Ideal? // New Europe, 2000.

Цель этих моих заметок — проинформировать общественность о том, что некоторые противники чрезмерной европейской унификации, к числу которых отношу себя и я, выступают против нового международного правового порядка, против законов, выработанных чисто экспертным путем, без демократического контроля. Что они предпочитают путь проб и ошибок в рамках стандартного демократического законодательного процесса. Что им не по душе новая эрзац-идеология по имени «европеизм». И, наконец, что их позиция при этом крайне далека от вульгарного национализма.

В 1789 году лидеры французской революции в своей «Декларации прав человека и гражданина» также оперировали понятиями об универсальных и неотъемлемых правах. При этом они очень скоро позабыли о демократии. Нельзя во второй раз допустить ту же роковую ошибку.

*Опубликовано в приложении Orientace к газете
Lidové noviny (Прага), 14.02.2004*

Перевел с чешского Ярослав Шимов